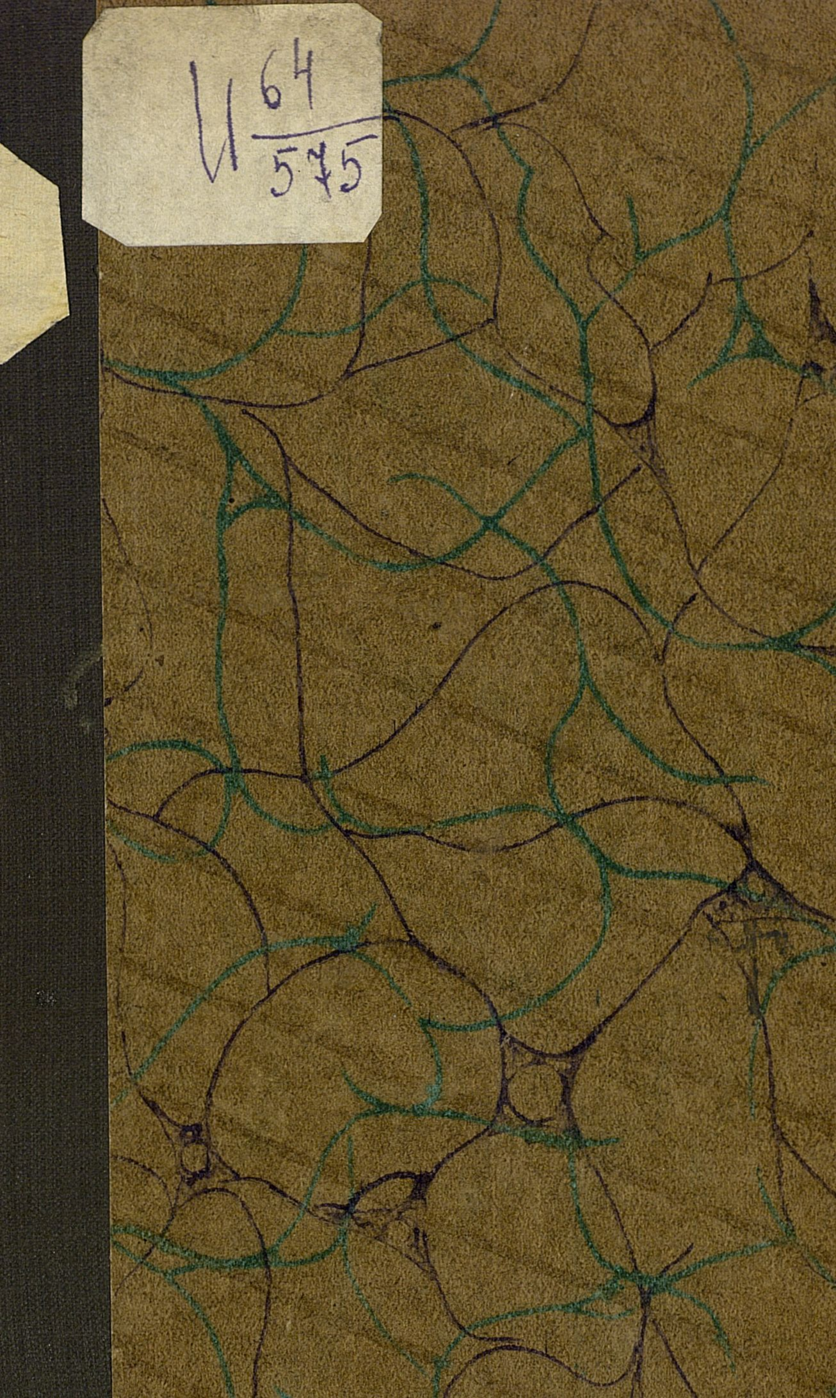

И 64/575

ЭБ

В. Маяковскій.

Война и міръ.

Изд. „ПАРУСЪ“ Птг.
1917.

В. Маяковскій.

Война и міръ.

Изд. „ПАРУСЪ“ Птг.
1917.

Типографія издательства „Парусъ“. Петроградъ, Шпалерная, 26.

ПРОЛОГЪ.

Хорошо вамъ.
Мертвые сраму не имутъ.
Злобу
къ умершимъ убійцамъ туши.
Очистительнѣйшей влагой вымытъ
грѣхъ отлетѣвшей души.

Хорошо вамъ!
А мнѣ,
сквозь строй,
сквозь грохотъ,
какъ пронести любовь къ живому?
Оступлюсь—
и послѣдней любовишки кроха
навѣки канетъ въ дымный омутъ.

Что имъ,
вернувшимся,
печали ваши,
что имъ,
какихъ-то стиховъ бахрома?!
Имъ

на парѣ бъ деревяшекъ
день кое-какъ прохромать!

Боишься!
Трусъ!
Убьютъ!
А такъ
полсотни лѣтъ еще можешь, рабъ, расти
Ложь!
Я знаю,
и въ лавѣ атакъ
я буду первый
въ геройствѣ,
въ храбрости.

О, кто же
набатомъ будущихъ годинъ
званый
не выйдетъ бравъ?
Всѣ!
А я
на землѣ
одинъ
глашатай грядущихъ правдъ.

Сегодня ликую!
Не разбрызгавъ
душу,
сумѣлъ,
сумѣлъ донесть.
Единственный человѣчій,

средь воя,
средь визга,
голосъ
подъемлю днесь.

А тамъ
разстрѣливайте,
вяжите къ столбу!
Я ль измѣнюсь въ лицѣ!
Хотите —
туза
нацѣплю на лбу,
чтобъ ярче горѣла цѣль?!

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Лилѣ.

8 октября.
1915 годъ.
Даты
времени,
смотрѣвшаго въ обрядъ
посвященія меня въ солдаты.

„Слышите!
Каждый, —
ненужный даже, —
долженъ жить;
нельзя,
нельзя жъ его
въ могилы траншей и блиндажей
вкопать заживо —
убійцы!“

Не слушаютъ.
Шестипудовый унтеръ сжалъ, какъ прессъ.
Отъ уха до уха выбрили аккуратненько.
Мишенью

на лобъ
нацѣпили крестъ
ратника.

Теперь и мнѣ на западъ!
Буду итти и итти тамъ,
пока не оплачутъ твои глаза
подъ рубрикой
„убитые“
набраннаго петитомъ.

ЧАСТЬ I.

И вотъ,
на эстраду,
колеблемую костромъ оркестра,
вывалился животъ.
И началъ!
Росъ въ глазахъ, какъ въ тысячахъ лупъ.
Змѣился.
Потъ сіялъ лачкомъ.
Вдругъ, —
остановилъ мелькающій пупъ,
вывертѣлся волчкомъ.

Что было!
Лысины слиплись въ одну луну.
Смаслились глазки щелясь.

Даже пляжъ,
расхлеставъ соленую слюну,
осклабилъ утыканную домами челюсть.

Вывертѣлся.
Рты
какъ электрическій токъ
скрючило „браво“.
Браво!
Бра-аво!
Бра-а-аво!
Бра-а-а-аво!
Б-р-а-а-а-а-в-о!
Кто это,
кто?
Эта масомясая
быкомордая орава?

Стихамъ не, втиснешь въ тихіе томики
крикъ гнѣва.
Это внуки Колумбовъ,
Галлилеевъ потомки
Ржутъ, запутанные въ серпантинный неводъ!

А тамъ,
всхлобучась на вечеръ чинный,
женщины
раскачивались шляпой стоперой.
И въ клавиши тротуаровъ бухали мужчины,
уличныхъ блудилищъ остервенѣлые таперы.

Вправо,
влѣво,
вкривь,
вкось,
выфрантивъ полей лоно,
вихрились нанизанныя на земную ось
карусели
Вавилонищъ,
Вавилончиковъ,
Вавилоновъ.

Надъ ними
бутыли,
восхищающія длиной.
Подъ ними
бокалы
пьяной ямой.
Люди
или валялись,
какъ упившійся Ной,
или грохотали мордой многохамой!

Нажрутся,
а послѣ,

въ ночной слѣпотѣ,
вывалясь мясами въ пухѣ и ватѣ, —
сползутся другъ на другѣ потѣть,
города содрогая скрипомъ кроватей.

Гніетъ земля;
лампъ огни ей
взрываютъ кору горой волдырей;
дрожа городовъ агоніей,
люди мрутъ
у камня въ дырѣ.
Врачи
одного
вынули изъ гроба,
чтобъ понять людей небывалую убыль:
въ прогрызанной душѣ
золотолапымъ микробомъ
вился рубль.

Во всѣ концы,
чтобъ скорѣе вызлить
смерть,
взбурливъ людей крышамъ вровень,
сердецъ столицъ тысячесильные Дизели
вогнали вагоны зараженной крови.

Тихія!
Недолго пожили.
Сразу
желѣзо рельсъ всочило по жилѣ
въ загаръ деревень, городовъ заразу.

Гдѣ пѣли птицы — тарелокъ лязги.
Гдѣ боръ былъ — площадь стодомымъ содо-
момъ.
Шестиэтажными фавнами ринулись въ пляски
публичный домъ за публичнымъ домомъ.

Солнце подыметъ рыжую голову,
запекшееся похмѣлье на вспухшемъ ртѣ;
и нѣту силъ удержаться голому —
взять
не вернуться ночамъ въ вертепъ.
И еще не успѣетъ,
ночь-арапка
лечь, продажная,
въ отдыхъ,
въ тѣнь,
на нее,
раскаленную тушу, вскарабкалъ
новый голодный день.

Въ крыши зажатыя!
Горсточка звѣздъ
ори!
Шарахайся испуганно вечеръ-инокъ!
Идемъ!
Раздуемъ на самокъ
ноздри,
выѣденныя зубами кокаина!

ЧАСТЬ II.

Это случилось въ одну изъ осеней,
были
горюче-сухи
всѣ,
металось солнце,
сумасшедшій маляръ,
оранжевымъ колеромъ пыльныхъ выпачкавъ.
Откуда-то
на землю
нахлынули слухи.
Тихіе.
Заходили на цыпочкахъ.

Ихъ шопотъ тревогу въ груди выселилъ,
а страхъ,
подъ черепомъ,
рукой красной
распутывалъ, распутывалъ и распутывалъ
мысли,
и стало невыносимо ясно:
если не собрать людей пучками ротъ,

не взять и не взрѣзать людямъ вены, —
зараженная земля
сама умретъ —
сдохнутъ Парижи,
Берлины,
Вѣны!

Чего размякли!?
Хныкать поздно!
Раньше бъ раскаянье осѣняло!
Тысячерукимъ врачамъ
ланцетами роздано
оружье изъ арсеналовъ.

Италія!
Королю,
брадобрею ли,
ясно —
некуда дѣться ей!
Уже сегодня
рѣяли
нѣмцы надъ Венеціей!

Германія!
Мысли,
музеи,
книги,
каньте въ разверзтыя жерла.
Зѣвы заревъ, оскальтесь нагло!
Бурши,
скачите верхомъ на Кантѣ!

Ножъ въ зубы!
Шашки наголо!

Россія!
Разбойной-ли Азіи зной остылъ!?
Въ крови желанья бурлятъ ордой.
Выволакивайте забившихся подъ Евангеліе
Толстыхъ!
За ногу худую!
По камню бородой!

Франція!
Гони съ бульваровъ любовный шопотъ!
Въ новые танцы — юношей выловить!
Слышишь нѣжная?
Хорошо
подъ музыку митральезы жечь и насиловать!

Англія!
Турція!...
Т-р-а-а-ахъ!
Что это?
Послышалось!
Не бойтесь!
Ерунда!
Земля!
Смотрите
что по волосамъ ея?
Морщины окоповъ легли на чело!
Т-с-с-с-с-с
грохотъ.

Барабаны, музыка?
Неужели?
Она это,
она самая?
Да!
НАЧАЛОСЬ.

ЧАСТЬ III.

Неронъ!
Здравствуй!
Хочешь?
Зрѣлище величайшаго театра.
Сегодня
бьются
государствомъ въ государство
16 отборныхъ гладіаторовъ.

Куда легендамъ о бойняхъ Цезарей
передъ былью,
которая теперь была!
Какъ на дѣтскомъ лицѣ заря,
нѣжна ей
самая чудовищная гипербола.

Бѣлкой скружишься у смѣха въ колесѣ,
когда узнаетъ твой прахъ о томъ:
сегодня,
міръ

весь колизей
и волны всѣхъ морей
по немъ изостлались бархатомъ.

Трибуны скалы;
и на скалѣ тамъ,
будто бой ей зубы выломилъ —
поднебесья соборовъ
скелетъ за скелетомъ
выжглись
и обнеслись перилами.

Сегодня
заревомъ въ земную плѣшь она,
кровавя толпъ ропотъ,
въ небо
люстрой подвѣшана
цѣлая зажженная Европа.

Пришли,
разсѣлись въ земныхъ долинахъ
гости
въ страшномъ нарядѣ.
Мрачно поигрываютъ на шеяхъ длинныхъ
ожерелья ядеръ.

Золото славянъ.
Черные мадьяръ усы.
Негровъ непроглядныя пятна.
Всѣхъ земныхъ широтъ ярусы
вытолпила съ головы до пятъ она.

И тамъ,
гдѣ Альпы,
въ закатѣ грѣя
выласкали въ небѣ ледъ щеки,—
облаковъ галлереей
нахохлились зоркіе летчики.

И когда
на арену
воины
вышли
парадными парами,
въ версты шарахнувъ театромъ удвоенный
грохотъ и громъ милліардныхъ армій,—
шаръ земной
полюсы стиснулъ
и въ ожиданіи замеръ.
Сѣдоволосые океаны
вышли изъ береговъ,
впились въ арену мутными глазами.
Пылающими сходнями
спустилось солнце
суровый,
вѣчный арбитръ.
Выгорая отъ любопытства
звѣздъ глаза повылѣзли изъ орбитъ.

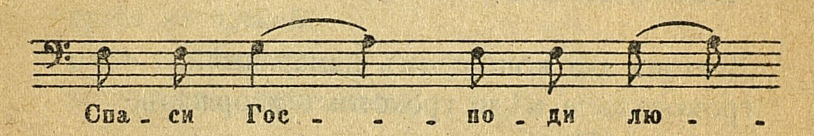
А секунда медлитъ и медлитъ.
Лѣнь ей.

Къ началу кровавыхъ игръ
напряженный какъ совокупленіе

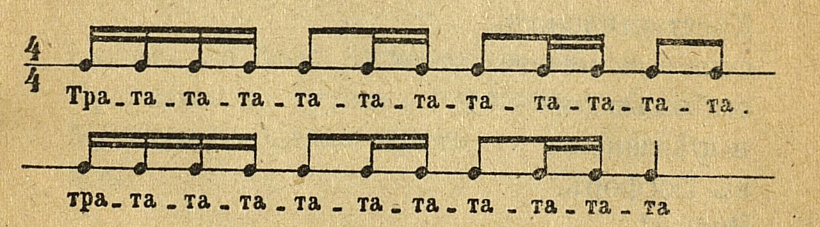
не дыша остановился мигъ.

Вдругъ
секунда въ дребезги.
Рухнула арена дыму въ дыру.
Въ небѣ не зги.
Секунды быстрились и быстрились —
взрывали,
ревѣли,
рвали.
Пѣной выстрѣлъ на выстрѣлѣ
огнѣлъ въ кровавомъ валѣ.

Впередъ!

Вздрогнула отъ окрика грудь дивизій.
Впередъ!
Пѣна у рта.
Разящій Георгій у знаменъ въ девизѣ
барабаны

Бутафоръ!
Катафалкъ готовь!

Вдовъ въ толпу!
Мало вдовъ еще въ ней.
И взвился
въ небо
фейерверкъ фактовъ,
одинъ другого чудовищнѣй.

Выпучивъ глаза,
маякъ
изъ за горъ
черезъ океаны плакалъ;
а въ океанахъ
эскадры корчились,
насаженныя минѣ на колъ.

Дантова ада кошмаромъ намараннѣй,
громоголосіе мѣди грохотомъ изоржавъ,
дрожа за Парижъ,
послѣднимъ
на Марнѣ
ядромъ отбивается Жоффръ.

Съ юга
Константинополь,
оскаливъ мечети,
выблевывалъ
вырѣзанныхъ
въ Босфоръ.
Волны!
мечите ихъ,
впившихся зубами въ огрызки просфоръ.

Лѣсъ.
Ни голоса.
Даже нароченъ
въ своей тишинѣ.
Смѣшались ихъ и наши.
И только
проходятъ
вороны да ночи,
въ чернь облачась чредой монашьей.

И снова,
грудь обнажая зарядамъ,
плывя по веснамъ,
пробиваясь въ зимѣ,
армія за арміей
рядъ за рядомъ
заливаютъ мили земель.

Загорается.
Новыхъ изъ дубровъ волокъ.
Огня пентаграма въ порогѣ луга.
Молніями колючихъ проволокъ
сожраны сожженные въ угли.

Батареи до бѣла раскалили жару.
Прыгаютъ по трупамъ городовъ и селъ.
Мѣдными мордами жрутъ
все.

Огневержецъ!
Гдѣ не найдешъ карая!

Впутаюсь ракетѣ,
въ небо вбѣгу;
съ неба
красная,
рдѣя у края,
кровь Пегу.

И тверди,
и воды,
и воздухъ взрытъ.
Куда направлю опромети шагъ?
Уже обезумѣвшая,
уже навзрыдъ,
вырываясь молитъ душа:

Война!
Довольно!
Уйми ты ихъ!
Уже на землѣ голо.
Метнулись гонимые разбѣгомъ убитые,
и еще
минуту
бѣгутъ безъ головъ.

А надъ всѣмъ этимъ
дьяволъ
зарево зѣвотъ дымитъ.
Это въ созвѣздіи желѣзнодорожныхъ линій
стоитъ,
озаренное пороховыми заводами,
небо въ Берлинѣ.

Никому не вѣдомо,
дни ли,
годы ли,
съ тѣхъ поръ какъ на полѣ
первую кровь войнѣ отдали,
въ чашу земли сцѣдивъ по каплѣ.

Одинаково —
камень,
болото,
халупа ли,
человѣчьей кровищей вымочили весь его.
Вездѣ
шаги
одинаково хлюпали,
мѣся дымящееся міра мѣсиво.

Въ Ростовѣ
рабочій
въ праздничный отдыхъ
захотѣлъ
воды для самовара выжать, —
и отшатнулся:
во всѣхъ водопроводахъ
сочилась та же рыжая жижа.

Въ телеграфахъ надрывались машины Морзе.
Орали городамъ объ юныхъ они.
Гдѣ то
на Ваганьковѣ
могильщикъ заерзалъ.

Двинулись факельщики въ хмуромъ Мюнхенѣ.

Въ широко развороченную рану полка
раскаленную лапу всунули прожекторы.
Подняли одного
бросили въ окопъ, —
того
на ножѣ который!

Библеецъ лицомъ,
изо рва,
ряса.
„Вспомните!
За ны!
При Понтійстемъ Пилатѣ!“
А вѣтеръ ядеръ
въ клочки изорвалъ
мясо и платье.

Выдернулась изъ дыма сотня головъ.
Не смѣть заплаканныхъ глазъ имъ!
Заволокло
газомъ.

Бѣлыя крылья выросли у души,
стонъ солдатъ въ пальбѣ доносится.

„Ты на небо летишь, —
удуши,
удуши его
побѣдоносца“.

Бьется грудь неровно...
Шутка ли!
Къ Богу на домъ!
У рая въ облака бронированнаго
дверь расшибаю прикладомъ.

Трясутся ангелы.
Даже жаль ихъ.
Бѣлѣе перышекъ личика овалъ.
Гдѣ они, —
боги!
„Бѣжали
всѣ бѣжали
и Саваоѳъ,
и Буда,
и Аллахъ.
и Іегова“.

Ухало.
Ахало.
Охало.
Но уже не та канонада,
повздыхала еще

и заглохла.
Вылѣзли съ бѣлымъ.
Взмолились
— не надо! —

Никто не просилъ,
чтобъ была побѣда
родина начертана.
Безрукому огрызку кроваваго обѣда,
на чорта она?!

Послѣднiй на штыкъ насаженъ,
наши отходятъ на Ковно,
на сажень
человѣчьяго мяса нашинковано.

И когда затихли
всѣ кто нападали,
легъ
батальонъ на батальонѣ,
выбѣжала смерть
и затанцовала на падали,
балета скелетовъ безносая Тальони.

Танцуетъ.
Вѣтеръ изъ-подъ носка.
Шевельнулъ папахи,
обласкалъ на мертвомъ два волоска,
и дальше, —
попахивая.

Пятый день
въ прострѣленной головѣ
поѣзда выкручиваютъ за изгибомъ изгибъ.
Въ гніющемъ вагонѣ
на сорокъ человѣкъ—
четыре ноги.

ЧАСТЬ IV.

Эй!
Вы!
Притушите восторженные глазенки?
Лодочки ручекъ суньте въ карманъ!
Это
достойная награда
за выжатое изъ бумаги и чернилъ.
А мнѣ за что хлопать?

Я ничего не сочинилъ.

Думаете:
вретъ!
Нигдѣ не прострѣленъ.
Въ цѣлехонькихъ вискахъ біенья не уладить,
если рукоплещутъ
его барабановъ трели,
его проклятій риѳмованной руладѣ.

Милостивые государи!
Понимаете вы?
Боль берешь,
растишь и растишь ее:
всѣми пиками истыканная грудь,

всѣми газами свороченное лицо,
всѣми артиллеріями громимая цитадель го-
ловы, —
каждое мое четверостишіе.

Не затѣмъ
взвела
по насыпямъ тѣлъ она,
чтобъ горестный
сочилъ заплаканную гнусь;
страшной тяжестью всего, что сдѣлано
безъ всякихъ
„красиво“
прижатый гнусь.

Убиты; —
и все равно мнѣ,
я или онъ ихъ
убилъ.
На братскомъ кладбищѣ,
у сердца въ ямѣ,
легли милліоны, —
гніютъ,
шевелятся, приподымаемые червями!

Нѣтъ!
Не стихами!
Лучше
языкъ узломъ завяжу,
чѣмъ разговаривать.
Этого

стихами сказать нельзя.
Выхоленнымъ ли языкомъ поэта
горящія жаровни лизать!

Эта!
Въ рукахъ!
Смотрите!
Это не лира вамъ!
Раскаяньемъ вспоротый
сердце вырвалъ, —
рву аорты!

Въ кашу рукоплесканій ладошъ не вмѣсите!
Нѣтъ!
Не вмѣсите!
Рушься комнатъ уютъ!
Смотрите
подъ ногами камень.
На лобномъ мѣстѣ стою.
Послѣдними глотками
воздухъ...

Вытеку срубленный,
но кровью выѣмъ
имя „убійца“,
выклейменное на человѣкѣ.
Слушайте!
Изъ меня,
слѣпымъ Віемъ,
время оретъ:
подымите,

подымите мнѣ,
вѣковъ вѣки!

Вселенная расцвѣтетъ еще
радостна,
нова.
Чтобъ не было безсмысленной лжи за ней,
каюсь:
я
одинъ виноватъ
въ растущемъ хрустѣ ломаемыхъ жизней!

Слышите, —
солнце первые лучи выдало,
еще не зная,
куда —
отработавъ — дѣнется,
это я, —
Маяковскій
подножію идола
несъ
обезглавленнаго младенца.

Простите!

Въ христіанъ зубовъ рѣзцы
вонзая,
львы вздымали рыкъ.
Вы думаете, — Неронъ?
Это я,
Маяковскій

Владиміръ,
пьянымъ глазомъ обволакивалъ циркъ?

Простите меня!

Воскресъ Христосъ.
Свили
одной любовью
съ устами уста вы;
Маяковскій
еретикамъ
въ подземельѣ Севильи
дыбой выворачивалъ суставы.

Простите,
простите меня!

Дни!
Вылазьте изъ годовъ лачугъ!
Какой раскрыть за собой
еще?
Дымнымъ хвостомъ по вѣкамъ волочу опе-
ренное пожарами побоище!

Пришелъ.

Сегодня.
не нѣмецъ,
не русскій,
не турокъ, —
это я

самъ,
съ живого сдирая шкуру,
жру міра мясо.
Тушами на штыкахъ материки.
Города — груды глиняныя.
Кровь!
выцѣди изъ твоей рѣки
хоть каплю,
въ которой невиненъ я!

Нѣтъ такой!
Этотъ
выколотыми глазами —
плѣнникъ
мною мѣченный.
Я,
въ поклонахъ разбившій колѣни,
голодомъ выголодалъ земли нѣметчины.

Мечу пожаровъ рыжія пряди.
Волчьи щетинюсь изъ темени ямъ.
Люди!
Дорогіе!
Христа ради,
Ради Христа
простите меня!

Нѣтъ,
не подыму искаженнаго тоской лица!
Всѣхъ окаяннѣе,

пока не расколется,
буду лобъ разбивать въ покаяніи!

Встаньте,
ложью верженные ницъ,
оборванные войнами
калѣки лѣтъ!
Радуйтесь!
Самъ казнится
единственный людоѣдъ.

Нѣтъ,
не осужденнаго выдуманная хитрость!
Пусть съ плахи не соберу разодранныя ча-
сти я, —
все равно,
всего себя вытрясъ,
одинъ достоинъ
новыхъ дней пріять причастіе.

Вытеку срубленный.
И никто не будетъ, —
нѣкому будетъ человѣка мучить.
Люди родятся,
настоящія люди,
Бога самого милосерднѣй и лучше.

ЧАСТЬ V.

А можетъ быть
больше
у времени хамелеона
и красокъ никакихъ не осталось.
Дернется еще
и ляжетъ,
бездыханъ и угловатъ.

Можетъ быть,
дымами и боями охмеленная,
никогда не подымется земли голова.
Можетъ быть...
Нѣтъ
не можетъ быть!
Когда нибудь да выстеклится мыслей омутъ
когда нибудь да увидитъ, какъ хлещетъ изъ
тѣлъ ала́.
Надъ вздыбленными волосами руки заломитъ,
выстонетъ;
„Господи,
что я сдѣлала“.

Нѣтъ,
не можетъ быть!
Грудь,
срази отчаянья лавину.
Въ грядущемъ счастьѣ вырыщи ощупь.
Вотъ,
хотите,
изъ праваго глаза
выну
цѣлую цвѣтущую рощу?!

Птицъ причудливыхъ мысли роите.
Голова,
закинься восторженна и горда.
Мозгъ мой,
веселый и умный строитель,
строй города!

Ко всѣмъ,
Кто зубы еще
злобой выщемилъ,
иду
въ сіяющихъ глазъ зарѣ.
Земля,
встань
тыщами
въ ризы заревъ разодѣтыхъ Лазарей!

И радость,
радость
сквозь дымы,

свѣтлыя лица я
вижу.
Вотъ,
пріоткрывъ помертвѣвшее око,
первая
приподымается Галиція.
Въ травы вкуталась ободраннымъ бокомъ.

Кинувъ ноши пушекъ,
выпрямились горбатые,
кровавленными сѣдинами въ небо канувъ,
Альпы,
Балканы,
Кавказъ,
Карпаты.

А надъ ними
выше еще,
двое великановъ
всталъ золототѣлый,
молитъ:
„ближе
къ тебѣ съ изрытаго взрывами дна я".
Это Рейнъ
размокшими губами лижетъ
изсѣченную миноносцами голову Дуная.

До колоній, бѣжавшихъ за стѣны Китая,
до песковъ, въ которыхъ потеряна Персія,
каждый городъ
ревѣвшій,

смерть кидая,
теперь сіялъ.

Шопотъ.
Вся земля
черныя губы разжала.
Громче.
Урагана ревомъ
вскипаетъ,
„Клянитесь,
больще никого не скосите!“
Это встаютъ изъ могильныхъ кургановъ,
мясомъ обрастаютъ хороненныя кости.

Было-ль,
чтобъ срѣзанныя ноги
искали-бъ
хозяевъ;
оборванныя головы звали по имени?
Вотъ
на черепъ обрубку
вспрыгнулъ скальпъ,
ноги подбѣжали,
живыя подъ нимъ они.

Съ днищъ океановъ и морей,
на реяхъ,
ожившихъ утопшихъ выплыли залежи.
Солнце!
въ ладоняхъ твоихъ изогрѣй ихъ,
лучей языками глаза лижи!

Въ старушье лицо твое
смѣемся
время!
Здоровые и цѣлые вернемся въ семьи!
Тогда
надъ русскими,
надъ болгарами,
надъ нѣмцами,
надъ евреями,
надъ всѣми:
по тверди небесъ,
отъ заревъ алой
рядъ къ ряду,
семь тысячъ цвѣтовъ засіяло,
изъ тысячи разныхъ радугъ.

По обрывкамъ народовъ,
по бандѣ разсѣянной,
эхомъ раскатилось
растерянное
„А-ахъ!“
День раскрылся такой,
что сказки Андерсена
щенками ползали у него въ ногахъ.

Теперь не вѣрится,
что могъ итти
въ сумеркахъ уличекъ темный шаря.
Сегодня
у капельной дѣвочки
на ногтѣ мизинца

солнца больше,
чѣмъ раньше на всемъ земномъ шарѣ.

Большими глазами землю обводитъ
человѣкъ.
Растетъ,
главою горъ достигъ.
Мальчикъ
въ новомъ костюмѣ,
—въ свободѣ своей—
важенъ,
даже смѣшонъ отъ гордости.

Какъ священники,
чтобъ помнили объ искупительной драмѣ,
выходятъ съ причастiемъ,
каждая страна
пришла къ человѣку со своими дарами.

„На".

„Безмѣрной Америки силу несу тебѣ,
мощь машинъ!"

„Неаполя теплыя ночи дарю,
Италiя,
палимый
пальмъ вѣерами маши".

„Въ холодѣ сѣвера мерзнущiй,
Африки солнце тебѣ!"

„Африки солнцемъ сожженный,
тебѣ

со своими снѣгами,
съ горъ спустился Тибетъ!“

„Францiя,
первая женщина мiра
губъ принесла алость“.

„Юношей Грецiя,
лучшiе тѣломъ нагимъ они“.

„Чьихъ голосовъ мощь
въ пѣсни звончѣе сплеталась!?
Россiя,
сердце свое
раскрыла въ пламенномъ гимнѣ!“

„Люди,
вѣками граненную
Германiя
мысль принесла“.

„Вся
до нѣдръ напоенная золотомъ
Индiя
дары принесла вамъ!“

„Славься, человѣкъ,
во вѣки вѣковъ живи и славься
всякому
живущему на землѣ
слава,
слава,
слава!“

Захлебнешься!
А тутъ и я еще.
Прохожу, осторожно,
огроменъ,
неуклюжъ.
О, какъ великолѣпенъ я
въ самой сіяющей
изъ моихъ безчисленныхъ душъ.

Мимо поздравляющихъ,
праздничныхъ мимо я
— проклятое,
да не колотись ты —
вотъ она
навстрѣчу.

„Здравствуй любимая!".

Каждый волосъ выласкиваю,
вьющійся,
золотистый.
О, какіе вѣтры,
какого юга
свершили чудо сердцемъ погребеннымъ?
Расцвѣтаютъ глаза твои,
два луга!
Я кувыркаюсь въ нихъ,
веселый ребенокъ.

А кругомъ:
Смѣяться.

Флаги.
Стоцвѣтное.
Мимо.
Вздыбились.
Тысячи.
Насквозь.
Бѣгомъ.
Въ каждомъ юношѣ порохъ Маринетти,
въ каждомъ старцѣ мудрость Гюго.

Губъ не хватитъ улыбкѣ столицей,
всѣ
изъ квартиръ
на площади
вонъ!
Серебряными мячами
отъ столицы къ столицѣ
раскинемъ веселіе,
смѣхъ,
звонъ!

Не поймешь
это воздухъ,
цвѣтокъ ли,
птица ль!
И поетъ,
и благоухаетъ,
и пестрое сразу,
но отъ этого
костромъ разгораются лица,
и сладчайшимъ виномъ пьянѣетъ разумъ.

И не только люди
радость личью
расцвѣтили,
звѣри франтовато завили руно,
вчера бушевавшія
моря,
мурлыча
легли у ногъ.

Не повѣришь,
что плыли
смерть изрыгавъ они.
Въ трюмахъ
навѣкъ забывшихъ о порохѣ
броненосцы
провозятъ въ тихія гавани
всякаго вздора яркіе ворохи.
Кому же страшны пушекъ шайки
эти,
кроткія,
рвутъ?
Они
передъ домомъ,
на лужайкѣ,
мирно щиплютъ траву.

Смотрите,
не шутка,
не смѣхъ сатиры
средь бѣла дня,
тихо,

по парно,
цари задиры
гуляютъ подъ присмотромъ нянь.

Земля
откуда любовь такая намъ?
Представь—
тамъ
подъ деревомъ
видѣли
съ Каиномъ
играющаго въ шашки Христа.

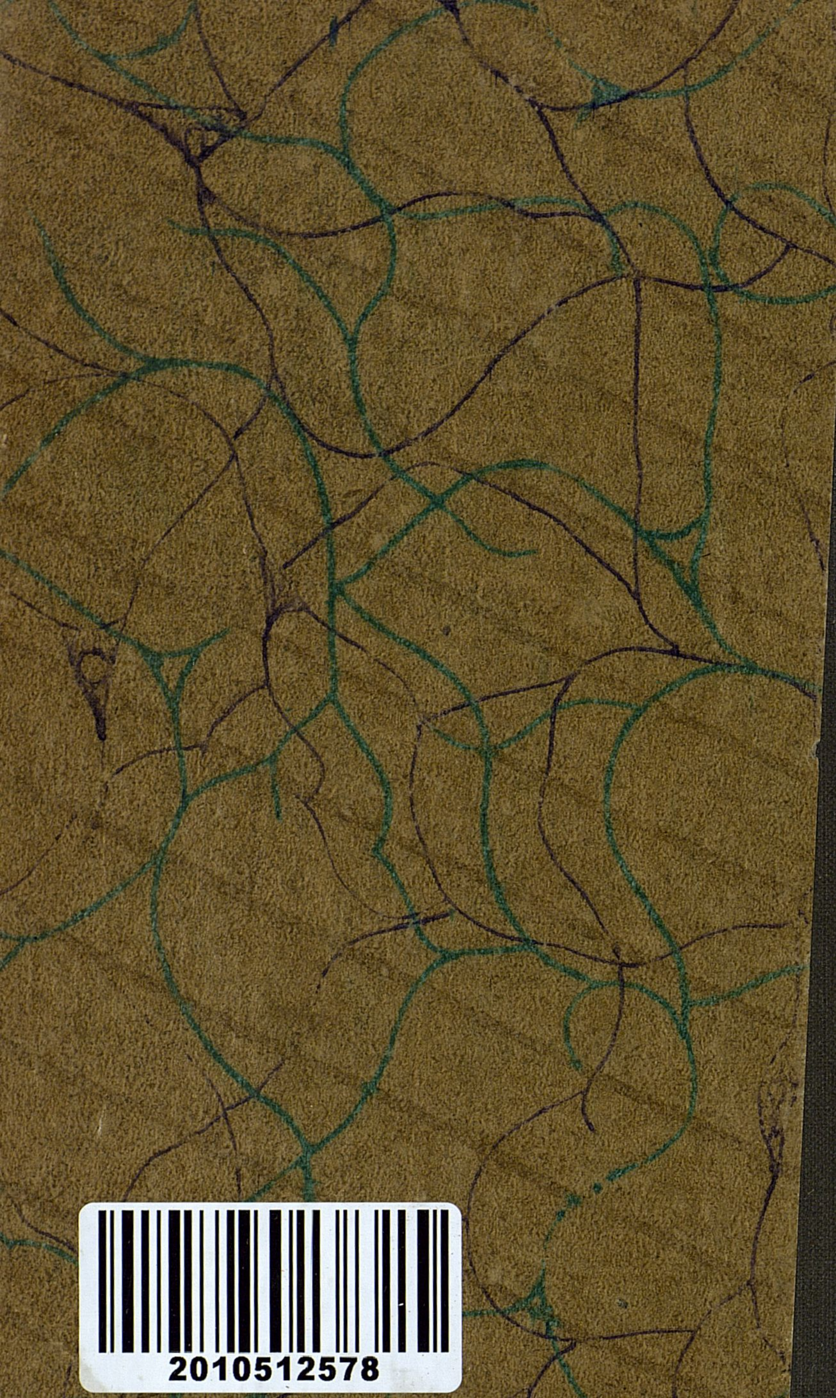
Не видишь,
прищурилась, ищешь?
Глазенки щелки двѣ
Шире!
Смотри,
мои глазища
всѣмъ открытая собора дверь.

Люди
любимыя,
нелюбимыя,
знакомыя,
незнакомыя
широкимъ шествіемъ излейтесь въ двери тѣ.
И онъ
свободный,

ору о комъ я,
человѣкъ
придетъ онъ,
вѣрьте мнѣ,
вѣрьте!

Цѣна 2 р. 25 к.

Издательство „ПАРУСЪ“, Петроградъ
Невскій пр., 64.

2010512578